

Клинов Анатолий Сергеевич

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры зарубежного
регионоведения и востоковедения
Кубанского государственного университета

Цветков Радислав Дмитриевич

аспирант кафедры
всеобщей истории и международных отношений
Кубанского государственного университета

О МАРТОВСКОМ ВОССТАНИИ 1959 Г. В ТИБЕТЕ

Аннотация:

Тибет занимает важное стратегическое и экономическое положение в регионе. Это место зарождения большинства крупнейших рек региона, которые питают сельское хозяйство и промышленность Азии. Для Индии это рубеж, мир на котором является залогом спокойствия на ее северной границе. Для Китая это государственная территория, где должен действовать закон и порядок. Гарантом же социальных реформ, стабильности и безопасности в Тибете середины XX века была согласованность действий Китая и Индии, выработка правящими кругами этих двух стран совместных решений, касающихся Тибета. Исключение Китая и Индии из двустороннего формата управления данной территорией привело к череде вооруженных столкновений. Итогом дальнейшей эскалации противостояния стало Мартовское восстание 1959 г. в Тибете, завершившееся бегством Далай-ламы XIV и большого числа тибетцев в Индию. Эти события стали той точкой, которая на долгое время свела на нет возможность мирного урегулирования тибетской проблемы.

Ключевые слова:

Тибет, Китай, Мартовское восстание 1959 г., тибетский вопрос.

Klinov Anatoly Sergeevich

D.Phil. in History, Associate Professor,
Professor, Foreign Area Studies
and Oriental Studies Department,
Kuban State University

Tsvetkov Radislav Dmitriyevich

PhD student, General History
and International Relations Department,
Kuban State University

ABOUT THE TIBETAN UPRISING OF MARCH 1959

Summary:

Tibet has an important strategic and economic position. It is the birthplace of most of the region's largest rivers, which nourish Asia's agriculture and industry. For India, this is the frontier where peace is the guarantee of tranquility on its northern border. For China, this is a state territory where Chinese law and order must operate. The guarantor of social reforms, stability and security in Tibet of 1950s was the coherence of actions of Chinese and Indian power circles and working out joint solution regarding Tibet. China's exclusion of India from managing the territory of Tibet caused a series of armed clashes. Their subsequent escalation led to the Tibetan Uprising of March 1959 and the escape of Dalai Lama XIV and a large number of Tibetans to India. These events brought to naught the possibility of peaceful settlement of the Tibetan problem for a long time.

Keywords:

Tibet, China, Uprising of March 1959, Tibetan question.

Тибет является самым высокогорным районом мира, чем определяется его важное стратегическое положение. От экологии на этой территории во многом зависит климат в Азии. Достаточно сказать, что истоки почти всех крупных рек Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии находятся в Тибете.

С военной точки зрения значимость Тибета также сложно переоценить. Государство, имеющее возможность осуществлять в этом районе эффективную военную деятельность, сразу занимает приоритетное положение в Центральной и Южной Азии.

Недра Тибета богаты полезными ископаемыми, многие из которых до сих пор не разведаны, что объясняет экономическую привлекательность его территорий. Кроме того, через него идут традиционные пути в Центральную и Восточную Азию.

Учитывая все вышесказанное, многие державы пытались и пытаются утвердить свое влияние в этом регионе. В частности Индия и Китай, заявив свои позиции, вступили в открытое противостояние по этому вопросу. Мартовское восстание 1959 г. в Тибете стало следствием укрепления позиций Китая на спорных территориях.

Актуальность настоящего исследования определяется значимостью тибетской проблемы, возникшей еще в середине XX века, для современной геополитики и истории.

Цель работы – освещение Мартовского восстания 1959 г. в Тибете.

Задачи работы сводятся к следующему:

1. Показать истоки и причины восстания.

2. Охарактеризовать движущие силы и социальный состав его участников.
3. Осветить ход восстания и выявить его этапы.
4. Показать последствия мятежа в дальнейшей судьбе Тибета.

Географические границы настоящего исследования включают в основном Тибет и в меньшей степени иные регионы, имевшие прямое или косвенное отношение к Мартовскому восстанию 1959 г. в Тибете.

Хронологические рамки охватывают весну 1959 г.

Методологической основой работы являются принципы историзма и научной объективности. При подготовке статьи применялись в основном методы анализа и синтеза.

Среди источников, актуальных для темы исследования, следует назвать Соглашение, заключенное между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета от 23 мая 1951 г. [1], Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия о торговле и связях между тибетским районом Китая и Индией [2], документы, исходящие от окружения Далай-ламы, а также от китайского командования в Тибете [3], белые книги по Тибету (китайская [4] и тибетская [5]).

В настоящее время отсутствуют специальные научные работы, посвященные Мартовскому восстанию 1959 г. в Тибете. Тем не менее отдельные эпизоды этого мятежа получили определенное отражение в трудах В.А. Богословского [6]. Среди зарубежных авторов наиболее обстоятельно об этом писал Г. Ричардсон [7].

До Мартовского восстания 1959 г. тибетский вопрос в целом регулировался его участниками: Китаем, Индией и местными тибетскими властями, возглавляемыми Далай-ламой XIV. Что касается европейских держав, то они до мятежа уклонялись от разбирательства тибетской проблемы, а после него активно взялись за курирование ее разрешения. После ввода китайских войск в Тибет в 1951 г. было подписано Соглашение, в котором Китай взял на себя обязательства не проводить реформы в Тибете без согласия местного правительства, возглавляемого Далай-ламой [8, с. 202–203]. Однако его действие распространялось только на Внешний Тибет (Центральный Тибет (У-Цанг) и западная часть Кхам), т. е. на территории, традиционно подчиненные тибетскому правительству и Далай-ламе XIV. Что касается Внутреннего Тибета (Амдо и Восточный Кхам), поделенного между китайскими провинциями Цинхай, Ганьсу (Амдо), Сычуань и Юньнань (Кхам), то здесь власти Поднебесной не были связаны никакими обещаниями.

Традиционно люди земли амдова (тибетцы Амдо) и кхампа (тибетцы Кхама) жили изолированными общинами. Обычно во главе каждой из них находился монастырь, который был центром ее экономической, научной и медицинской жизни. При монастыре обязательно была библиотека, школа, больница и мелкое предприятие по переработке сельскохозяйственной продукции. Географические условия Тибетского высокогорья при отсутствии современных путей сообщения делали изолированными эти общины не только от внешнего мира и китайских властей, но и от властей Лхасы (столицы Тибета). Люди находились фактически в двойном подчинении: военно-административном (властям той китайской провинции, на территории которой находились) и религиозном (Далай-ламе как главе ламаистской церкви). При этом учитывалось значение Панчен-ламы как второго лица в ламаистской иерархии. Подчиняясь китайским провинциальным властям, указанные тибетские общины и монастыри сохраняли полную самостоятельность в вопросах социально-экономической системы и политического строя.

Придя к власти в 1949 г., коммунистическое руководство Китая сразу же начало проводить глубокие социально-экономические реформы в стране, среди которых важное место занимали антифеодальные преобразования. В Северо-Восточном Китае (Маньчжурия), в Восточном Китае, в приморских районах Южного Китая и в прибрежных районах Северного и Южного Китая преобладали буржуазные отношения. Там реформы имели успех и были поддержаны населением. Что касается районов, населенных тибетцами, то это был заповедник феодализма. Население воспринимало феодальный строй как нечто само собой разумеющееся. Высшим авторитетом в военно-административных и политических вопросах для простых людей были местные феодалы, а в религиозной жизни – Далай-лама. Любые попытки поставить под сомнение существовавший феодальный строй встречались тибетцами в лучшем случае весьма осторожно, а в большинстве своем открыто враждебно. Это резко контрастировало тогдашнюю тибетскую действительность с ситуацией в остальных районах Китая. Если говорить точнее, то антифеодальные реформы Коммунистическая партия Китая (КПК) проводила еще в годы Второй гражданской войны 1927–1936 гг., Японо-китайской войны 1937–1945 гг. и Третьей гражданской войны 1946–1949 гг. на территориях, подконтрольных вооруженным формированиям китайских коммунистов. С 1949–1950 гг. эти преобразования распространились на весь Китай – они встретили поддержку практически всех этнических и национальных групп страны и были исключительно результативными. Причем следует подчеркнуть

успешность антифеодальных реформ даже среди самых отсталых этнических групп с преобладанием родоплеменных отношений, проживающих на отдаленных окраинах государства. Также позитивными были эти преобразования и среди тех племен Северного Таиланда и Северо-Восточной Бирмы, где всегда было сильно китайское влияние в прошлом и в настоящем. К тому же среди указанных этнических групп за пределами Китая активно действовали коммунистические партии этих стран, традиционно ориентировавшиеся на КПК. Они имели собственные вооруженные силы и подконтрольные территории, где и проводили антифеодальные реформы по китайскому образцу. Достаточно сказать, что в годы обострения советско-китайских отношений (1964–1989 гг.) эти партии во всем поддерживали Пекин против Москвы.

С тибетцами было все наоборот. Они группировались около старейшин своих общин и глав местных монастырей, подчинялись им беспрекословно. Людей других мест (даже тибетцев) воспринимали как чужаков. Тех же, кто, невзирая на место жительства и этническую принадлежность, пытался усомниться в правоте действий и мыслей указанных выше старейшин и глав монастырей, тибетцы воспринимали откровенно враждебно, зачастую по собственной инициативе предпринимая против них силовые действия. Имея значительную долю автономии, сопоставимую с политической, отдельные тибетские общины и монастыри кхампа и амдова старались не допускать в свою внутреннюю жизнь не только местных китайских провинциальных властей, но и чиновников тибетского правительства. Их подчиненность Китаю ограничивалась лояльностью, демонстрируемой по отношению к государству, и тем, что в своих действиях они не выходили за пределы местной компетенции. Подчинение Лхаса было еще более условным и выражалось в декларативной верности Далай-ламе как религиозному главе. Такая ситуация позволяла амдова и кхампа балансировать между Китаем и Тибетом в периоды, когда между ними начинались боевые действия в 1910–1914 гг. и на рубеже 20-х и 30-х гг. XX в. Благосклонности кхампа и амдова искали как тибетцы, так и китайцы.

Когда в 1918 г. тибетские войска далеко продвинулись вглубь провинции Сычуань и овладели почти всей территорией Кхама, у них сразу начались проблемы с жителями этого региона, поскольку Далай-лама XIII, правивший тогда в Тибете, попытался установить прямое управление в этом регионе. То же самое Лхаса попыталась сделать в начале 30-х гг. XX в., когда между тибетскими и китайскими войсками вновь начались боевые действия. Они закончились разгромом тибетских войск и оттеснением их на рубеж верхнего течения реки Янцзы в Кхаме. Нужно отметить, что после понесенного в начале 30-х гг. XX в. от Китая поражения Тибет на прилегающих к Янцзы районах Кхама старался не покушаться на автономию общин и монастырей кхампа. Китайские же власти провинции Сычуань в ряде случаев предпринимали подобные попытки, но они заканчивались сопротивлением тибетцев, массовым их бегством в горы при приближении китайских войск и партизанскими действиями кхампа. С захваченными в плен повстанцами или просто подозрительными лицами из числа местного населения сычуаньские власти расправлялись жестоко, в порядке внесудебной процедуры. Во время Великого похода 1934–1936 гг. китайской красной армии через тибетско-сычуаньское пограничье кхампа относились к китайским красноармейцам так же, как и к военным служащим китайской правительственной армии, считая всех китайцев своими злейшими врагами.

Учитывая ситуацию в тибетских землях, китайские власти начали социальные реформы там несколько позже, чем на остальной территории Китая (примерно в 1952–1953 гг.), при этом китайским коммунистам, несмотря на все их усилия, не удалось заручиться поддержкой монастырей в Кхаме и Амдо, а также создать среди тибетцев социальную опору для себя. На первых порах властям КНР удалось добиться прохладно-нейтрального отношения к себе амдова и кхампа, но это был предел успехов. Амдова были преимущественно скотоводами, а в долинах Кхампа возможно было земледелие – здесь находятся основные лесные массивы тибетского нагорья. Реформы в Амдо заключались в изъятии у крупных феодалов их стад и распределении животных среди амдовского крестьянства. Параллельно китайские власти попытались создать среди амдова снабженческо-сбытовые кооперативы – это была общая схема реформ, которые проводились на основной территории Китая. Но граждане были сплочены вокруг своих родовых вождей и феодалов, их связь с внешним миром осуществлялась через этих людей и сводилась к минимуму. Изъятие скота у феодалов амдова воспринимали как оскорбление китайцами уважаемых в их среде людей, которых они по-прежнему считали своими руководителями. Те же многочисленные тибетцы, которые были назначены китайскими властями вместо старой феодальной знати, населением абсолютно не воспринимались. Особо сильное недовольство вызвали предпринимавшиеся китайскими властями попытки создать кооперативы в Тибете. Эти попытки были весьма робкими и половинчатыми, но тибетцы посчитали такие шаги попыткой китайских властей ограничить их права на переданный им скот от феодалов или лишить их его вовсе. К тому же китайские чиновники прибывали в земли амдова, проводили свои реформы и

затем, вовсе не найдя ни одного тибетца, который бы встал на их сторону, удалялись обратно. В этом случае все оставалось по-прежнему. Отобранный у феодалов скот тибетцы возвращали хозяевам, и те оставались фактическими руководителями тибетских общин.

Тогда китайские власти предприняли репрессии против верхов амдова, что вызвало их вооруженное сопротивление. Оно в основном носило характер партизанских действий против китайских войск. Повстанцы установили связи с некоторыми кругами из местного тибетского правительства, подконтрольного Далай-ламе. Подписание Соглашения, заключенного между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета от 23 мая 1951 г. [9], вызвало сильнейшее недовольство на всем Тибетском нагорье. Примерно в то же время на территории, подконтрольной Далай-ламе, создается организация «Миманг Цонгду» [10, с. 41]. Ее ячейки существовали во всех тибетских землях, а руководство находилось в Лхасе. Лидеры этой организации установили контакт с западными странами, надеясь на их помощь и не питая иллюзий относительно Индийской Республики, которая после приобретения Индией независимости сразу стала проводить благосклонный к Китаю политический курс и ориентироваться на союз с КНР. Западные страны не решились сразу открыто поддержать эту тибетскую организацию и заняли выжидательную позицию, они полагали строить свой политический курс в зависимости от развития дальнейших событий в Тибете. Тем не менее Европа оказала через сочувствующие круги в Индии помощь «Миманг Цонгду» деньгами и оружием. Вот так образцы западного вооружения оказались у повстанцев амдова и кхампа. Уже после первых же успехов тибетских партизан против китайской армии и полиции «Миманг Цонгду», минуя Далай-ламу и Индию, как истинный представитель тибетского народа, выражающий его исконные чаяния, в письменном виде потребовало от центрального правительства Китая вывести китайские войска и администрацию из Тибета и позволить тибетцам, включая Внешний и Внутренний Тибет, самостоятельно строить свою жизнь на уровне как отдельных общин, так и Тибетского государства в целом. Оно мыслилось указанной организацией как независимое де-факто и суверенное де-юре.

В Кхаме китайские власти проводили реформы более интенсивными методами. Здесь они попытались реализовать меры по экономическому развитию тибетских земель. В первую очередь строились автомобильные дороги, затем были предприняты попытки по созданию зачатков сельскохозяйственных предприятий, и что самое главное и самое неприятное для тибетцев – китайские власти начали ханьскую колонизацию Восточного Тибета. При этом декларировалось, что правительство Китая будет посылать туда специалистов из центральных районов страны. Однако большинство прибывших в то время в Кхам ханьцев имело весьма низкий образовательный уровень и званию специалистов не соответствовало. Характеризуя эту ситуацию, Далай-лама XIV указывал, что приехавшие в тибетские районы Сычуани и Юньнани ханьцы должны были ассимилировать тибетцев [11, с. 300–301]. Не ограничиваясь вышеуказанными мерами, китайские власти попытались установить контакты с монастырями, с тем чтобы заставить их принять активное участие в реформах [12, р. 190–193].

Союз революционеров с церковью не является чем-то новым в мировой практике. Даже большевики в России, провозглашая атеизм, пытались установить контакт с богословскими структурами. Среди некоторых высокопоставленных большевистских лидеров, не говоря уже о рядовых членах этого политического движения, была распространена мысль об ином понимании бога, чем это трактовалось Русской православной церковью. Предполагалось, что коммунизм и религия не противоречат друг другу. В частности, большевикам удалось установить тесное сотрудничество с ламаистской церковью в России. Нередко ламы выступали рядовыми бойцами в красных отрядах, могли занимать и командные должности. Лидер российских ламаистов Агван Доржиев был видной политической фигурой, через которого большевистское руководство проводило свою политику в Забайкалье, Туве, Монголии, а также среди калмыков и на Северном Кавказе. При этом Доржиев был сторонником сильного централизованного государства на началах унитарности, в формационном отношении придерживающегося марксизма.

В России рядовое ламаистское духовенство было тесно связано с народом, а верхи являлись типичными феодалами. Таким образом, исходя из классового принципа, российским коммунистам удалось привлечь на свою сторону низшее духовенство, что во многом определило дальнейший успех их революционной деятельности.

В Китае изначально господствовала теория Мао Цзэдуна. Он в понятие класса вкладывал несколько иное содержание, чем его российские коллеги. Основным критерием для советских коммунистов при отграничении одного класса от другого было отношение к средствам производства. Для Мао определяющей была лояльность или нелояльность той или иной социальной группы к его идеям и к нему лично. Это приводило к парадоксу: зачислению в разряд революци-

онеров и коммунистов крупных тибетских феодалов и к отнесению к классовым врагам представителей рабочих (весьма немногочисленного и очень слабого общественного слоя в Китае), а также крестьянства.

Марксистская доктрина видела в специалистах свою главную социальную опору, но представители этой прослойки общества обычно хорошо образованы, имеют свою точку зрения и не склонны от нее отказываться, поэтому в годы «культурной революции» от репрессий пострадали в первую очередь специалисты.

Таким образом, в условиях Тибета, где широкие слои простонародья находились под сильным идеологическим влиянием феодалов и церкви, часто имело место зачисление в разряд контрреволюционеров многих трудящихся тибетцев. После этого они пополняли ряды антиправительственной оппозиции.

Что касается тибетских феодалов, которые выражали лояльность Пекину, то они определялись в категорию революционеров и пролетариев. Так было и с тибетскими монастырями в Амдо и Кхаме. Но когда при дальнейшем развитии реформ феодальную верхушку ламаистского духовенства в Тибете стали лишать земли, имущества и сословных привилегий, то она открыто начала борьбу против китайского руководства и возглавила уже воевавших против китайской армии трудящихся и представителей низшего духовенства. Ведь эти социальные группы, в соответствии с канонами марксизма, должны были быть опорой коммунистического движения. Мао Цзэдун же объявил их врагами только лишь на том основании, что их взгляды на тогдашнюю тибетскую действительность расходились с воззрениями «Великого кормчего». Причем в ряде случаев несовпадения взглядов нельзя было назвать принципиально неразрешимыми. Просто Мао Цзэдун, считавший, что его мнение должно быть единственно верным для китайцев касательно любых вопросов, зачислил думающих иначе, чем он, людей во враги и начал против них репрессии, не останавливаясь и перед физическим уничтожением инакомыслящих.

Описанная выше позиция китайских властей привела к отчуждению от них амдова и кхампа, к их сплочению под руководством духовных и светских феодалов на антикитайской и антикоммунистической основе. К 1953 г. восстание охватило всю территорию Амдо, а в 1954 г. – Кхама. Причем не только районы провинции Сычуань, но и земли кхампа, входившие в так называемый округ Чамдо. Об этом следует сказать особо.

Когда Народно-освободительная армия Китая (НОАК) в октябре 1950 г. начала наступление против тибетских войск с рубежа реки Янцзы, они достигли территории близ Лхасы, оккупировав восточную часть Внешнего Тибета – это как раз и были западные районы Кхама. По Соглашению 1951 г. в Тибете был учрежден военный округ с военно-административным комитетом и штабом [13, с. 203]. Штаб ведал чисто военными вопросами, а военно-административный комитет – еще и гражданскими. На территории, подконтрольной Далай-ламе, действовал военно-административный комитет, поскольку проведение реформ возможно было только с согласия местного тибетского правительства. Оно, естественно, такого согласия не давало. В результате вся полнота власти во Внешнем Тибете оставалась у Далай-ламы XIV и его правительства. Однако те районы, которые были уже заняты НОАК, местному тибетскому правительству возвращены не были. Здесь всю власть осуществлял указанный выше административный комитет. Эти районы, традиционно находившиеся в ведении Далай-ламы, объединились в округ Чамдо (по названию самого крупного города Кхама). Правивший там военно-административный комитет НОАК не проводил никаких социальных реформ, но амдова в Чамдо знали, что китайские власти делают в восточных районах Сычуани. Кхампа, живущие в этой части страны, были связаны этнически, религиозно, а часто и родственными узами. Поэтому так же, как и в Сычуани, в округе Чамдо были созданы вооруженные отряды кхампа, интенсивность боевых действий которых, однако, была ниже. Наибольших успехов повстанцы амдова и кхампа добились в 1954–1955 гг. Ими были взяты некоторые города в тибетских районах Сычуани и северной Юньнани.

В этой ситуации местное тибетское правительство заняло неопределенную позицию. Оно открыто не одобряло действия амдова и кхампа, но при этом не создавало никаких препятствий для снабжения повстанцев всем необходимым через территорию Внешнего Тибета. Восставшие имели контакты с определенными представителями западных стран, которые с негласного одобрения руководства своих государств через территорию Индии и частично Бирмы пытались снабжать всем необходимым повстанцев кхампа. Руководство Индии было не в восторге от таких действий. Однако Индия являлась многопартийной страной, и многие политические организации на ее территории симпатизировали тибетскому сепаратизму. В этой ситуации индийское руководство смогло лишь только ограничить снабженческий трафик в восставший Тибет, но оставалась еще территория Бирмы, где в то время существовал прозападный режим Антифашистской лиги народной свободы, представители которого вели гражданскую войну против бирманских

коммунистов и их союзников. Его идеологи по вполне естественным причинам готовы были помогать тибетским повстанцам всем, чем могли. В любом случае иностранное снабжение кхампа и амдова вооружением и боеприпасами было явно недостаточным для ведения эффективной полномасштабной войны против китайских войск. Тем более что вскоре китайское правительство пополнило дислоцированную в Сычуани 18-ю армию, которая обрела способность не только обороняться и выполнять чисто полицейские функции, но и перейти к широкомасштабному наступлению против повстанцев, что китайские военные и сделали.

Действия амдова и кхампа Далай-ламы XIV использовал для политического давления на Пекин с тем, чтобы тот не проводил социальные реформы в Тибете. В 1955 г. политик даже обратился за помощью к Индии, проявив готовность перебраться туда навсегда, если китайцы начнут реформы во Внешнем Тибете. Чтобы не доводить дело до широкомасштабной войны у самых индийских рубежей, Джавахарлал Неру, премьер-министр Индии, уговорил китайское руководство отложить реформы на неопределенный срок, а в дальнейшем проводить их эволюционным путем и так, чтобы одновременно избежать роста напряженности во Внешнем Тибете и в то же время модернизировать тибетское общество из феодального в современное. Неру несколько не возражал против ликвидации феодализма в Тибете, наделения крестьянства землей, уравнивания всех жителей этого региона, но при этом ставил одно условие: никакой напряженности на внешних рубежах Индии, т. е. во Внешнем Тибете.

В старом (дореформенном) Тибете существовала абсолютная теократическая монархия, при которой Далай-лама XIV был одновременно главой Тибета и ламаистской церкви. Общество при этом имело сословный строй, закрепляющий неравенство сословий в политических и гражданских правах. Так, правом собственности на землю и на наиболее ценные объекты могли обладать только представители высших феодальных сословий Тибета. Налицо была поземельная и судебная зависимость всех граждан от феодалов, являвшихся представителями высшего, наиболее влиятельного сословия. Крепостным крестьянином считался тот, который зависел от феодала одновременно в трех отношениях: поземельном, судебном и личном. Если отсутствовал хотя бы один из вышеуказанных элементов, то крестьянина крепостным считать было нельзя, поэтому можно сказать, что тибетское крестьянство крепостным не было. Зато в Тибете были патриархальные рабы. Хотя классического рабства в Тибете тоже не было.

Перед обществом стояла задача реализации реформ антифеодального характера. В необходимости их проведения были убеждены и китайцы, и индийцы. Разногласия касались лишь скорости осуществления общественных изменений и методов их реализации. Индия была буржуазной страной, однако поддерживала предложенный Китаем план реформирования традиционного тибетского общества, поскольку его воплощение могло носить только общедемократический характер и ни в коем случае не антикапиталистический, т. е. капитализма в Тибете не было. Не могло идти речи и о каких-либо мероприятиях антибуржуазного характера. В то же время Индия традиционно опасалась китайского военного присутствия во Внешнем Тибете и настаивала на сохранении его политической автономии. Ради этого индийцы были готовы согласиться на консервацию феодализма, примириться с самыми жестокими и бесчеловечными проявлениями этого сословного строя.

Итак, позиция Индии заключалась в следующем: во-первых, поддержать реформы. Здесь Индия была солидарна с Китаем. Во-вторых, сохранить политическую автономию в Тибете. Однако у Дели не было уверенности в том, что Пекин будет разделять его точку зрения. Что касается Внутреннего Тибета, то события на его территории касались Индии гораздо в меньшей степени, чем во Внешнем Тибете, поэтому Неру не выразил никаких возражений против подавления выступления амдова и кхампа китайскими властями, оставив этот вопрос на усмотрение руководства КНР. Что касается Далай-ламы, то ему индийцы внушили, чтобы он не связывался с повстанцами амдова и кхампа, не допускал этот беспокойный элемент на территорию Внешнего Тибета и ни в коем случае не ссорился с китайским руководством в обмен на непроведение реформ во Внешнем Тибете. В этих условиях китайцам стало ясно, что вопрос с амдова и кахама они могут решить самым радикальным образом, допуская крайнюю жестокость (если увещания не помогут), и что во Внешнем Тибете им лучше действовать в контакте с индийским руководством, чтобы безболезненно трансформировать традиционное тибетское общество в современное и интегрировать Тибет во внутрикитайские структуры. Из всего этого складывалась реальная перспектива того, что во Внешнем Тибете будет все спокойно, а сложившаяся там ситуация сохранится неопределенно долго – многие десятилетия. Однако эти перспективы были перечеркнуты Мартовским восстанием 1959 г. в Тибете.

18-я китайская армия развернула крупномасштабные боевые действия в Кхаме. В этих сражениях китайские войска применяли артиллерию, в том числе тяжелую, авиацию и бронетехнику.

Китайские военные самолеты бомбили тибетские монастыри и поселения, оставляя одни развалины. Для повстанцев был только один путь спасения – бегство. Бежать они могли в Бирму, Индию или же во Внешний Тибет. Основные пути за границу лежали через территорию, контролируемую Далай-ламой XIV. Туда и устремились разбитые кхампа вместе со своими семьями, заполонив собою населенные пункты и дороги Внешнего Тибета, причем основную долю беженцев составляли именно кхампа, а не амдова. Последние были кочевниками, поэтому их отряды могли легко избегать ударов китайских войск. Климатические условия в Амдо гораздо более суровые, чем в Кхаме. Китайские военнослужащие этих условий часто не выдерживали, поэтому их боеспособность резко падала. Кроме того, по численности амдова уступали кхампа, поэтому именно кхампа создали напряженность во Внутреннем Тибете, вызвав сочувствие к себе у местного населения и способствуя развитию у них антикитайских настроений. Тибетцы У-Цанга не испытывали симпатии к ханьцам, за исключением района, подчиненного Панчен-ламе. Используя указанную ситуацию, кхампа стали призывать тибетцев У-Цанга и тибетскую армию начать войну с Китаем за отделение всего Тибетского нагорья от Китая и провозглашение на этой территории независимого Тибетского государства.

Понимая, что окончательное решение этого вопроса находится в исключительной компетенции Далай-ламы XIV, кхампа и поддерживающие их тибетцы У-Цанга организовали возле его дворца массовые мероприятия антикитайской направленности, требуя от ламаистского первосвященника объявить войну Китаю и возглавить армию. Далай-лама XIV не предпринимал никаких активных действий и следил за дальнейшим развитием ситуации.

Тем временем разрозненные отряды повстанцев кхампа и присоединившиеся к ним вооруженные формирования тибетцев из У-Цанга создали Добровольческую армию. Ее командование установило более тесные контакты с западными странами – те увеличили объем поставок вооружения и снаряжения повстанцам через Индию. Это вызвало недовольство индийского руководства, и Западу пришлось уменьшить количество перебрасываемой продукции. Однако в целом военно-техническое сотрудничество Запада и тибетских повстанцев в этот период поднялось на более высокий уровень. Теперь у мятежников появилось единое командование, находящееся в Лхасе. ЦРУ дополнительно к уже существующим военно-тренировочным лагерям для тибетцев создало новые. Поскольку Индия резко негативно относилась к эскалации вооруженного конфликта в Тибете, эти лагеря пришлось создавать за ее пределами, например в Непале. Конечно, это происходило небезвозмездно для правящих кругов этой страны.

Китайских войск во Внешнем Тибете было совсем немного. Военное присутствие Пекина здесь носило больше символический характер. Только округ Чамдо находился под прямым управлением китайских военных. Тем не менее командование китайских войск в сложившейся ситуации действовало оперативно и грамотно. Оно стремилось не допустить уничтожения повстанцами размещенного во Внешнем Тибете контингента китайской армии. Войскам ставилась задача защищать занятые ими опорные пункты и не позволить взять их тибетским повстанцам. Затем в случае эскалации событий дожидаться прибытия крупных частей НОАК и вместе с ними стабилизировать ситуацию. Также китайское командование решило изолировать Далай-ламу от повстанцев. Оно было вполне осведомлено о колебаниях главы ламаистской церкви и не без оснований опасалось, что в конце концов Далай-лама XIV решится на более радикальные действия антикитайского характера. В начале марта политкомиссар Тибетского военного округа генерал Тань Гуаньсань направил Далай-ламе приглашение посетить концерт и спектакль в театре Тибетского военного округа. Ламаистский первосвященник всячески пытался уклониться от принятия этого приглашения. Он опасался, что из китайского театра он может не вернуться. Одновременно с этим Далай-лама не решался возглавить тибетцев в их вооруженных антикитайских действиях, понимая, что, во-первых, независимая Индия не окажет Тибету никакой вооруженной помощи подобно той, на которую можно было рассчитывать со стороны Британской Индии; во-вторых, ламаистский первосвященник считал, что после первых успехов тибетцев против ограниченного контингента китайских войск во Внешнем Тибете последует переброска в очаг напряженности более крупной военной группировки из внутренних районов Китая, после чего Тибет будет наводнен китайскими военными, которые установят в нем управление по образцу округа Чамдо. Сам же Далай-лама будет вынужден отдать власть китайцам. Поэтому он «призвал свой народ успокоиться, с тем чтобы предотвратить еще большее кровопролитие» [14, с. 42].

Однако события развивались стремительно, и 10 марта 1959 г., опасаясь, что «китайские власти готовят похищение и отправку Далай-ламы в Пекин» [15, с. 43], восставшие создали Комитет свободы из 70 человек, который отменил Соглашение, заключенное между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета от 23 мая 1951 г. [16]. Уже 10 марта, в первый день восстания, 70 чинов-

ников местного тибетского правительства открыто перешли на сторону повстанцев. На следующий день, 11 марта, началась раздача оружия всем желающим. На сторону восставших в тот же день перешла и тибетская армия. Мятежники перекрыли все дороги и блокировали аэродром, охраняемый китайскими властями. Взять его, однако, они не смогли.

Видя такое развитие ситуации, политкомиссар Тибетского военного округа Тань Гуаньсань посоветовал Далай-ламе временно отложить свой визит в штаб округа [17, с. 30]. Первосвященник согласился с этим [18, с. 30–31]. Одновременно Гканьсань пытался убедить Далай-ламу склонить повстанцев к прекращению боевых действий [19, с. 32], на что получил его предварительное согласие [20, с. 32–33]. При этом Далай-лама хотел выиграть время, чтобы не допустить ввода во Внешний Тибет крупных китайских воинских формирований и постараться сохранить статус-кво. Главным для первосвященника было не допустить роспуска китайскими властями тибетской армии и упразднения Кашага (правительства феодального Тибета). Политкомиссар Тань Гуаньсань быстро разгадал его планы, но особенно возмущали его действия Кашага – тот во всем помогал повстанцам. Причем делал это, фактически не оформляя свои действия никакими нормативными актами, от контактов с китайским командованием Кашаг уклонялся. Видя подобное неблагоприятное для китайской стороны развитие событий, Тань Гуаньсань предложил Далай-ламе XIV укрыться в штабе Тибетского военного округа [21, с. 34]. Вежливо поблагодарив китайское командование за такую заботу о его персоне, первосвященник 16 марта 1959 г. отказался [22, с. 35]. Это приглашение ламаистский лидер воспринял как реальную угрозу своей безопасности и принял решение фактически опираться лишь на тибетских повстанцев, никак не оформляя это официально.

Однако отказ Далай-ламы принять китайскую защиту стал достоянием гласности, и повстанцы расценили его как выражение недоверия Китаю и проявление симпатии к ним. Еще более укрепило их в этом мнении дальнейшее поведение первосвященника. Опасаясь, что китайцы захватят его силой, он 17 марта 1959 г. покинул столицу Тибета Лхасу и направился в южные районы Внешнего Тибета, поближе к индийской границе. После этого повстанцы с 18 марта 1959 г. перешли в наступление, атаковав китайские войска. Несмотря на свою малочисленность, китайский контингент во Внешнем Тибете отбил все атаки мятежников и, не дожидаясь подкреплений из Центрального Китая, перешел в контр наступление. Оно закончилось весьма печально для тибетских повстанцев. 19 марта 1959 г. они вынуждены были перейти к обороне. 22 марта 1959 г. НОАК установила контроль над Лхасой, при этом, по свидетельству Генриха Харрера, было убито не менее 800 тибетцев [23, с. 289].

В апреле китайский контингент во Внешнем Тибете вместе с переброшенными из центральных районов Китая войсками начал крупномасштабное наступление и ликвидировал основные базы восставших в районе Лока. 8 апреля 1959 г. НОАК форсировала Брахмапутру и вытеснила дислоцированную там группировку тибетских повстанцев за пределы Тибета. Действия китайских войск были грамотными, хорошо продуманными. Командование верно оценило силы, состав тибетской вооруженной повстанческой группировки и четко спрогнозировало практически все возможные варианты их действий.

Имея единое военное командование, созданное еще в тот период, когда восстание не началось, тибетская вооруженная антикитайская оппозиция в тот момент так и не смогла создать свое правительство. С началом восстания Кашаг фактически распался. 26 марта 1959 г. руководители повстанцев в районе Лока попытались сформировать Временное правительство Тибета во главе с Далай-ламой, но китайские войска наступали довольно быстро, и 31 марта 1959 г. первосвященник перешел на территорию Индии, чтобы «привлечь международную помощь для спасения своего народа» [24, с. 44].

29 апреля 1959 г. в Индию прибыл один из военных руководителей восставших – Андругцанг. Этот человек сыграл выдающуюся роль в создании зимой 1959 г. повстанческой армии на территории Внешнего Тибета из разрозненных вооруженных отрядов кхампа, амдова, тибетцев У-Цанга, а также из фактически распавшихся вооруженных сил местного тибетского правительства. Ему удалось не только объединить указанные контингенты, но и организовать их по образцу регулярной армии, создав подразделения и части. Насколько это было возможно, он обеспечил надлежащее снабжение повстанческой армии, создал ее штаб. Фактически он был ее командующим.

Андругцанг готовил тибетскую армию как к крупномасштабным боям, характерным для действий регулярной армии, так и к партизанской войне. Организовал обучение военному делу всех тибетцев, которые присоединились к нему. Поэтому уже после разгрома китайскими войсками мартовских повстанцев в течение ряда лет в Тибете продолжались партизанские действия. В них участвовали мятежники всего Тибетского нагорья, причем значительная их доля состояла из крестьян, которые не восприняли проводимые Пекином антифеодальные реформы в силу

своей забитости, отсталого мышления. Непродуманность и поспешность внедряемых общественных изменений, их несогласованность с индийской стороной послужили дополнительным фактором, обусловившим негативное к ним отношение со стороны тибетцев.

В сообщении агентства Синьхуа указывалось, что восстание в Лхасе было поднято «местным правительством и реакционной кликой верхушки Тибета» [25, с. 4] «вопреки воле тибетского народа» [26, с. 4], в то время как части НОАК, расквартированные в Тибете, «пользуются горячей любовью среди различных слоев тибетского народа» [27, с. 6]. В противоречии с этим находится указание Чжоу Эньлая на то, что в мятеже участвовало 20 тысяч человек [28, с. 67]. На самом деле их было еще больше [29, с. 84]. Через несколько месяцев после бегства Далай-ламы XIV в Индию туда, а также в Непал, Бутан и Сикким эмигрировало около 80 тысяч человек [30, с. 44]. В дальнейшем число беженцев еще более возросло. Эти факты показывают, что восстание было массовым и вовлекло в себя широкие слои тибетского населения [31, с. 45]. Большую часть мятежников составили тибетские трудящиеся [32, с. 243]. В роли основных организаторов восстания выступили руководители повстанцев из Кхама и Амдо. Идейнными вдохновителями движения явились представители ламаистского духовенства.

При всем вышеизложенном нужно специально указать на то, что Панчен-лама Мартовское восстание не приветствовал, и в контролируемом им районе близ города Шигадзе в долине реки Брахмапутра не было ни одного повстанца. В дальнейшем Панчен-лама и жители его района во всем поддерживали Пекин. Ханьская колонизация на подконтрольный Панчен-ламе район практически не распространялась. Это является серьезным показателем политического доверия со стороны Китая Панчен-ламе и жителям района Шигадзе.

Также следует отметить, что антикитайская тибетская оппозиция из Дхарамсалаы (город Индии, где находилась резиденция Далай-ламы XIV и работало правительство Тибета в изгнании) замалчивала прокитайский характер политики Панчен-ламы, поэтому у многих создалось впечатление тотальной поддержки тибетцами антикитайской политики Далай-ламы, в соответствии с чем все они поголовно считают его единственным законным главой государства и выступают за отделение Тибета от Китая с последующим созданием суверенного Тибетского государства. На самом деле это не в полной мере соответствует действительности.

О независимости Тибета можно кратко сказать следующее.

Существуют следующие основные критерии, отделяющие государственную организацию от организации родоплеменной. Во-первых, при родоплеменной организации общества люди делятся по кровнородственному принципу: по семьям, родам и племенам. Государственная организация предполагает дифференциацию людей на территориальной (в зависимости от места жительства) или территориально-производственной (в зависимости от места жительства и от места работы) основе. Во-вторых, при родоплеменной организации отсутствует деление общества по профессиональному и социально-классовому принципу, потому что экономика является весьма примитивной, не требующей никакой специализации. В государстве, наоборот, все население образует общественные группы, члены которых объединены по социально-классовому и профессиональному принципам. В-третьих, в племени отсутствуют органы власти и управления. В государстве они есть.

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что Тибет с VII в. н.э. был государством, а не конгломератом племен и общин. Вплоть до XIII в. он обладал признаками суверенного образования, а в XIII в. вошел в состав империи Юань. При династии Мин Тибет оставался государством со статусом внешнего вассала Китая, в 1793 г. он стал внутренним вассалом Поднебесной, оставшись автономным государством под китайским сюзеренитетом. Государственность Тибет сохранил и после Симлской конвенции [33]. Наконец, с 1951 г. Китай установил свой суверенитет в Тибете, который индийско-китайским Соглашением 1954 г. [34] получил международно-правовое признание. Тем не менее местное правительство Тибета сначала косвенно, а с Мартовского восстания совершенно открыто называло Тибет независимым государством, а китайскую власть в Тибетском нагорье в любой форме считало незаконной.

Здесь нужно дать некоторые пояснения относительно того, какие критерии предъявляются к суверенному независимому государству согласно общим доктринальным положениям международного публичного права. Этих критериев всего три:

1. Дипломатическое признание де-юре и полноценные дипломатические отношения со всеми государствами на уровне посольств.
2. Вхождение в состав международных организаций, таких как Лига Наций, Организация Объединенных Наций.
3. Участие в международных конференциях публично-правового характера.

Если отсутствует соответствие хотя бы одному из вышеуказанных критериев, то признание государства де-юре невозможно. Например, Советская Россия получила официальный статус

только в 1933 г., когда Советский Союз добился дипломатического признания со стороны всех ведущих государств мира и стал членом Лиги Наций; до этого он был государством де-факто для мировой общественности.

Признание де-юре является окончательным, после чего суверенность и независимость государства становятся международно подтвержденными. Признание де-факто более ограничено. Оно показывает, что само существование того или иного государства признается законным, но по ряду причин ему не предоставляются все критерии права, характерные для государства, признанного де-юре. Обычно де-факто признаются государства, в жизнеспособности которых нет уверенности, но которые международное сообщество в принципе готово принять в число своих членов. Если же государство не признано даже де-факто, то это означает незаконность его существования в качестве суверенного образования.

Именно в таком положении находилось Тибетское государство в 1911–1951 гг. Провозгласив свою независимость, Тибет не получил ее признания ни де-юре, ни де-факто. Он также не приобрел статус стороны конфликта, который сопряжен с именованием субъекта международного права, но только по вопросам конфликта. Стороной конфликта, например, признано Приднестровье, Абхазия. Наконец, тибетская нация как таковая также не получила статуса субъекта международного права. Такой статус предоставляется тем нациям, которые с точки зрения международного права имеют право на свое суверенное государство, но не имеют его в реальности. Отсутствие у тибетской нации статуса субъекта международного права является дополнительным основанием для отказа признать законность существования суверенного Тибетского государства.

В международном праве есть понятие ад хок (*ad hoc*), оно означает «применительно к данной ситуации», т. е. полноценный субъект международного публичного права может вступить в переговоры с другим субъектом, который такого статуса не имеет, даже с тем, само существование которого является нелегальным. При этом возможно заключение договоров. Примером этого может служить Соглашение 1953 г. о перемирии в Корее. В переговорах по данному вопросу участвовали Северная и Южная Кореи, Китай, США, ООН. При всем этом в тот момент США считали незаконными режимы КНР и Северной Кореи. Тибет не имел контактов с внешним миром даже на уровне ад хок. Поэтому у него в обозримом будущем нет никаких шансов стать независимым государством – это хорошо понимает мировое сообщество, в том числе США, поэтому они никогда не признавали независимость Тибета, считая его частью Китая. Однако Запад всегда старался ограничить власть Китая в этом регионе или организовать ее под своим надзором. В соответствии с этими стремлениями европейские страны призывают не мешать тибетцам в их антикитайских сепаратистских действиях. В результате этого в Тибетском районе сохраняется перманентная напряженность. Это невыгодно ни Индии, ни Китаю, ни самим тибетцам. Поэтому Индия в середине 50-х гг. XX в. признала суверенитет Китая над Тибетом, не создавала никаких препятствий антифеодальным реформам в этом районе и требовала только, чтобы Китай проводил общественную трансформацию обдуманно, гибко и последовательно.

Излишняя прямолинейность китайских властей при проведении реформ, их безапелляционность в сочетании с желанием тибетских верхов сохранить феодальный строй и стали причиной Мартовского восстания 1959 г. в Тибете. Это перечеркнуло все планы по безболезненному преобразованию тибетского общества из феодального в современное и положило конец политической автономии Тибета как современного демократического государства в составе КНР подобно статусу Гонконга (Сянган) и Макао (Аомынь).

После Мартовского восстания тибетская оппозиция видит только один путь решения тибетского вопроса – предоставление независимости Тибету. Понимая, что Индия не поддержит такого решения, сепаратисты обратились к Западу за защитой и во всем согласовывают свои действия с ним, в первую очередь с США.

До восстания тибетский вопрос, хотя и медленно, эволюционно, с трудностями, но все же последовательно продвигался в своем разрешении. После Мартовского мятежа ситуация зашла в тупик и стала источником проблем для Китая, Индии и для самих тибетцев.

Здесь стоит отметить, что Тибет был участником одного международного договора, а именно Симлской конвенции 1914 г. [35], принятой на Симлской конференции, которая носила политический характер, но делал это не как суверенное образование, а как автономное вассальное государство Китая. Именно в качестве такового он рассматривался участниками Симлской конференции и был обозначен в тексте конвенции. Все это не может быть основанием для признания Тибета суверенным государством.

По общему правилу вассальное автономное государство не ведет внешней политики. За него это делает сюзерен. Но из этого правила бывают исключения, например, вассал Османской империи Египет вел самостоятельную внешнюю политику, и действия египетского главы на внешнеполитической арене имели законную силу и международное признание, если по их поводу не было

никаких возражений со стороны турецкого султана. Турецким вассалом было и Болгарское княжество с 1878 по 1908 гг. (в Болгарии распространено убеждение, что независимость этой страны была восстановлена в 1878 г.). Болгария, как и Египет, вела самостоятельную внешнюю политику. В 1908 г. она присоединила к себе Восточную Румелию (большая часть современной Южной Болгарии) и провозгласила себя Болгарским царством. Так закончился османский вассалитет над Болгарией. Наконец, в Китае вплоть до прихода к власти коммунистов 1949 г. не только Тибет, но и ряд провинций с ханьским населением имели статус политической автономии и заключали с иностранными государствами международные договоры политического характера. В этих договорах они выступали в качестве политических автономий в составе Китая, не имевшего в тот момент статуса государства. Примером этого могут быть Синьцзян и Манчжурия. Так, между главой Манчжурии Чжан Цзолинь и правительством СССР 20 сентября 1924 г. было заключено соглашение [36, с. 459–465]. И Тибетское государство в период 1911–1951 гг. по статусу своему было приравнено к статусу Синьцзяна и Манчжурии с той лишь разницей, что они были автономными провинциями с правом политической автономии, а Тибет обладал такими же правами в качестве государства.

На основе всего изложенного выше можно сделать три основных вывода:

1. Причинами Мартовского восстания 1959 года в Тибете были: во-первых, неготовность тибетского традиционного общества к трансформации из феодального в современное; во-вторых, желание тибетских верхов сохранить феодализм; в-третьих, непродуманность китайскими властями антифеодальных реформ в Тибете и поспешность (граничащая с волюнтаризмом) в их проведении; в-четвертых, отсутствие у китайских властей прочной социальной опоры среди тибетцев при проведении реформ; в-пятых, атеизм как одно из необходимых условий реформ и желание китайских властей ликвидировать ламаистскую церковь как организационную структуру; в-шестых, фактический отказ Китая сотрудничать с Индией в ходе модернизации тибетского феодального общества в современное; в-седьмых, западная поддержка тибетских повстанцев.

2. Мартовское восстание 1959 г. было массовым выступлением тибетцев против власти Китая, однако оно не охватило все слои тибетцев и не носило тотальный характер. Многие граждане либо остались приверженцами нейтральной позиции, либо активно поддержали Китай. Так, например, округ Шигадзе (занимает по значимости в экономической жизни Тибета второе место после района Лхасы, административного центра Тибета) и его глава Панчен-лама оказали твердую поддержку китайской армии против войск Далай-ламы. Кроме того, в борьбе с мятежниками Китай получил помощь (вплоть до вооруженной) от некоторых тибетских монастырей.

3. До Мартовского восстания 1959 г. тибетский вопрос хотя и медленно, но все же последовательно двигался в сторону своего разрешения. Сепаратистские выступления создали критическую, почти неразрешимую ситуацию, отчего страдают прежде всего сами тибетцы, а также Индия и Китай.

4. Относительно Тибета существует три основополагающих международных договора, прямо касающихся его статуса: Конвенция 1907 г. [37], Симлская конвенция [38], Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия о торговле и связях между тибетским районом Китая и Индией [39]. Все эти международные акты признают Тибет частью Китая с той лишь разницей, что Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета [40] и Симлская конвенция рассматривают власть Китая как сюзеренитет, а Индия считает единственно законным статусом Тибета суверенитет Китая над ним. Этот статус и следует признать окончательным и законным.

Ссылки:

1. Соглашение, заключенное между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета от 23 мая 1951 года // Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М., 1958. С. 200–204.
2. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия о торговле и связях между тибетским районом Китая и Индией // Международная жизнь. 1954. № 1. С. 157–158.
3. Письмо генерала Тань Гуаньсяня Далай-ламе от 10.03.1959 // О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 30 ; Письмо Далай-ламы генералу Тань Гуаньсяню от 11.03.1959 // О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 30–31 ; Письмо генерала Тань Гуаньсяня Далай-ламе от 11.03.1959 // О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 31–32 ; Письмо Далай-ламы генералу Тань Гуаньсяню от 12.03.1959 // О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 32–33 ; Письмо генерала Тань Гуаньсяня Далай-ламе от 15.03.1959 // О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 33–34 ; Письмо Далай-ламы генералу Тань Гуаньсяню от 16.03.1959 // О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 35.
4. Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека. Пекин, 1992. 104 с.
5. Тибет: правда, основанная на фактах. М., 1994. 120 с.
6. Богословский В.А. Тибетский район КНР. М., 1978. 200 с.
7. Richardson H.E. A Short History of Tibet. N.Y., 1962. 308 p. ; Idem. Tibet and Its History. Oxford, 1962. 298 p. ; Idem. Tibet and Its History. L., 1984. 328 p.
8. Соглашение, заключенное между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета... С. 202–203.

9. Там же.
10. Тибет: правда, основанная на фактах... С. 41.
11. Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. Geneva, 1960. 346 p.
12. Ibid. P. 190–193.
13. Соглашение, заключенное между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета... С. 203.
14. Тибет: правда, основанная на фактах... С. 42.
15. Там же. С. 43.
16. Соглашение, заключенное между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета...
17. Письмо генерала Тань Гуаньсяня Далай-ламе от 10.03.1959...
18. Письмо Далай-ламы генералу Тань Гуаньсяню от 11.03.1959...
19. Письмо генерала Тань Гуаньсяня Далай-ламе от 11.03.1959...
20. Письмо Далай-ламы генералу Тань Гуаньсяню от 12.03.1959...
21. Письмо генерала Тань Гуаньсяня Далай-ламе от 15.03.1959... С. 34.
22. Письмо Далай-ламы генералу Тань Гуаньсяню от 16.03.1959...
23. Harrer H. Sieben Jahre in Tibet: Mein Leben am Hofe der Dalai Lamas. Berlin, 1966. 335 p.
24. Тибет: правда, основанная на фактах... С. 44.
25. Сообщения телеграфного агентства Синьхуа о мятеже в Тибете от 23.03.1959 // О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 4–17.
26. Там же. С. 4.
27. Там же. С. 6.
28. Часть Отчетного доклада премьера Государственного совета Чжоу Эньляя о работе правительства, касающегося положения в Тибете // О тибетском вопросе. Пекин, 1959. С. 64–69.
29. Богословский В.А. Указ. соч. С. 84.
30. Тибет: правда, основанная на фактах... С. 44.
31. Там же. С. 45.
32. Гудошников Л.М. Великодержавный шовинизм руководства КНР в вопросах национально-государственного строительства // Опасный курс. Выпуск 5. М., 1974. С. 230–244.
33. Симлская конвенция (03.07.1914) // Сборник документов по вопросу о китайско-индийской границе (документы и материалы). Пекин, 1960. С. 102–109.
34. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия...
35. Симлская конвенция (03.07.1914)...
36. Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических республик и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики // Документы внешней политики СССР. Том VII. М., 1963. С. 459–465.
37. Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета 18.08.1907 (31.08.1907) // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 392–393.
38. Симлская конвенция (03.07.1914)...
39. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия...
40. Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета 18.08.1907...

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна